

УДК 801

О СЕМАНТИКЕ ИМЕНИ ЛИЦА В ПРЕДЛОЖЕНИИ

© Н.А. Корепина¹

Иркутский государственный технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Рассматривается семантика имени лица в предложении как ядерный компонент функционально-семантической категории самости в языке в русле антропоцентрической парадигмы. Исследуется двойственная семантика имени лица. Анализируются употребления и семантика слова *I* (лицо) и его субститута (*one*)self в языке.

Библиогр. 13 назв.

Ключевые слова: семантика имени лица; сема; лицо; предметный актант; событийный актант; антецедент; анафорический возвратный элемент.

ON PERSON NAME SEMANTICS IN A SENTENCE

N.A. Korepina

Irkutsk State Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia.

The article treats the semantics of a person name in a sentence as a core component of the functional and semantic category of the Self in the language within the anthropocentric paradigm. It studies the dual semantics of the person name, and the use and semantics of *I* and its substitute (*one*)self.

13 sources.

Key words: person name semantics; seme; person; object actant; eventive actant; antecedent; anaphoric reflexive component.

Двойственная природа семантики имени лица давно была замечена в языкознании в связи с грамматикой части и целого и с особенностями синтаксического употребления. В известной статье «Mind and Body» А. Вежбицка усматривает различные с семантической точки зрения субъекты в предложениях *John is dirty*; *John is kind*, потому что в первом предложении слово *John* относится только к физическому объекту, а во втором это слово совсем не относится к физическому объекту [12, с. 129]. На этом же основании она протестует против анализа Дж. Катца, у которого семантика слова *man* есть всегда комбинация признаков человеческого (human) и физического объекта [6, с. 155], а также против мнения П. Стросона о том, что лицо – это особая примитивная семантическая единица, к которой относятся как физические, так и ментальные предикаты [11, с. 3]. А. Вежбицка считает, что понятие лица (person) не может трактоваться как примитивное, так как оно разложимо на два элемента, о которых можно говорить отдельно и которые взаимно не субституируются: *John hates himself* не передается как *John hates his body*, а *John hates his body* – как *John's body hates John* [12, с. 132].

Как считает А. Вежбицка, слово *I* (лицо) имеет четыре разных употребления:

1. В предложениях типа *I am in pain* (Я страдаю от боли / испытываю боль); *I believe* (Я верю / думаю); *I want* (Я хочу) оно не имеет самостоятельного значения.

2. В предложениях *I believe in God* (Я верю в Бога); *I am ambitious* (Я честолюбив); *I like Jim* (Мне нра-

вится Джим) оно значит *this person*.

3. В предложениях *I am heavy* (Я неуклюжий /ременна); *I am dirty* (Я грязный / испачкался); *I am short* (Я низкого роста) оно значит *this body*.

4. В предложениях *I see* (Я вижу / Я понимаю); *I am walking* (Я гуляю / прогуливаюсь сейчас) оно есть стенографическое сокращение, покрывающее разные комбинации трех предыдущих предложений [12, с. 135].

А. Вежбицка справедливо заметила, что идентификация лица опирается прежде всего на идентификацию тела. Именно поэтому предложения типа *John believes that ...*; *John hates Mary* невозможно трансформировать в *John's mind believes that ...*; *John's mind hates Mary*. Признак «непредметности» есть в семантике имени лица даже в предложениях с физическими предикатами типа *John is dirty*, ибо:

а) мы не ставим тело живого человека в один ряд с неживыми предметами, и подстановка типа ниже следующей ведет к появлению неоднозначного предложения: *John was dirty* – *John's body was dirty* (в последнем случае допускается трактовка предложения в том смысле, что Джон был мертв);

б) мы косвенно характеризуем всего человека, когда говорим что-то о его теле [12, с. 153], и предложение *John is dirty* сообщает нечто не только о теле Джона, но и о Джоне в целом;

в) если мы хотим отделить действия или состояние тела от его духовного начала, мы подчеркиваем это употреблением имени *body*, как в следующем описании драки двух обезумевших от ярости людей: «He

¹Корепина Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2, тел.: 89148720480, e-mail: cosmir@yandex.ru
Korepina Natalya, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages no.2, tel.: 89148720480, e-mail: cosmir@yandex.ru

lay pressed hard against his adversary, his body adjusting itself to its one pure purpose of choking the other man, resisting exactly» [7].

Э. Бенвенист считал, что высказывания, содержащие местоимение *я*, принадлежат прагматическому уровню (или модусу) языка. К этому уровню он относил высказывания, которые наряду со знаками включают тех, кто ими пользуется. Таким образом, лицо, на которое указывает местоимение *я*, становится элементом высказывания. Поскольку местоимение в отличие от имени собственного не становится постоянным обозначением того или иного лица, остается не совсем ясным, почему оно выполняет индивидуализирующую функцию, указывая на говорящих. Неполная аргументированность вывода, вероятно, ощущалась и самим Э. Бенвенистом, чем и можно объяснить введение следующего дополнения в предложенную им модель описания: он утверждал, что знак *я* не принадлежит языку и каждый раз создается в актах речи. Таким образом, существует множество *я*, каждое из которых имеет свою референцию и соответствует «единственному индивиду, взятому именно в его единственности» [2, с. 286].

Давая обобщающее определение местоимения *я*, Э. Бенвенист писал: «*Я* не обозначает никакой лексической сущности» [2, с. 295], следовательно, не имеет лексического значения. Вслед за О.Н. Селиверстовой, в концепции Э. Бенвениста мы не можем принять положение, в соответствии с которым знак *я* не принадлежит языку. Такое утверждение является, очевидно, произвольным. Мы не отождествляем также языковой знак и индивидуума, на который этот знак указывает. Однако представляется чрезвычайно важным положение Э. Бенвениста о том, что местоимения образуют знаки особого типа и что функция личных местоимений заключается не только в указании на роль в акте речи, но, прежде всего, в представлении говорящего или слушателя как индивида, взятого в его единственности [2, с. 413].

С другой стороны, личное местоимение 1-го лица *я* обозначает человека, произносящего это слово, а во время разговора так называют себя все собеседники. Слово *я* как бы перемещается от говорящего к говорящему, называя попеременно то одного, то другого. Считать, что значением *я* является что-то вроде *говорящий*, неправильно. Так, фразы *говорящий должен смотреть в лицо собеседнику* и *я должен смотреть в лицо собеседнику* очевидным образом означают совершенно разные вещи, то есть *я* и *говорящий* никак не являются синонимами [4, с. 296].

Во французском языке, по мнению Г.М. Костюшкиной, личные местоимения первого лица не являются анафорическими, «они не коммутируют с именами и входят в кадр акта высказывания». Так, например, высказывание *Je viens* не может быть замещено на высказывание типа *Paul vient*, а различный статус лица объясняется историей и морфологией. Личные местоимения первого лица происходят от латинских личных местоимений, а все личные местоимения третьего лица за исключением возвратных форм происходят – как определенный артикль – от латинского

указательного местоимения *ille* с анафорической функцией [3, с. 152].

В теории лица Э. Бенвениста настоящими лицами считаются лишь первое и второе, а третье лицо – это не лицо, то есть *Je* является внутренним лицом в высказывании и внешним по отношению к *Tu*. Более того, *Je* присваивает себе язык и предполагает *Tu*, но не наоборот [3, с. 152].

Именно неразрывная связь «предметного» и «действующего» начала в семантике личностных имен позволила Н.Д. Арутюновой говорить о двойственном семантическом статусе имен лица, поскольку их одновременно принадлежность к классу предметных имен и классу имен действующих лиц позволяет в предложении легко занимать позиции, предназначенные как для предметных, так и для событийных (предикатных) актантов [1].

Многоплановость семантики имен лица заметна и при анализе его субститута (*one*)*self*, который может обозначать лицо не только в целом (*all himself*), но и как состоящее из частей:

(1) *In giving to the character of his invention flesh and bones he is giving life to that part of himself which finds no other means of expression* [9, с. 74].

Вероятно, именно наличие многих признаков в *self* позволяет говорить о лучшей и худшей половине своего *Я* и даже отрицать идентичность подлинного *Я* с видимым. В таком случае отрицается равенство *one-self* и антецедентного лица:

(2) *It makes a man a little more than himself, and at the same time a little less. He ceases to be himself* [9, с. 60].

В примере (2) самость человека, его *Я* меняется под воздействием всепоглощающего чувства любви. Любовь выворачивает человека наизнанку, «вынимает» его из его естественной самостной оболочки (*it takes the lover out of himself*) и создает иллюзию вечного счастья. В этот момент человек обладает новыми ипостасями своего *Я*, которые делают его лучше (*it makes a man a little more than himself*), более того, в то же самое время человек теряет свое *Я* (*and at the same time a little less*). Так, ослепленный любовью человек теряет свое *Я*, перестает быть самим собой (*he ceases to be himself*).

В следующем примере героиня – актриса Джулия Ламберт – страдает от того, что ее талант, гений, дар не представляют ее настоящую (*was not really herself*) и даже не являются частью ее *Я* (*not even part of her*). Ее талант является чем-то чуждым, внешним по отношению к ее *Я* (*something outside*), и он постоянно прорывается и заглушает настоящую самость актрисы:

(3) *She had often felt that her talent, genius the critics called it, but that was a very grand word, her gift, if you like, was not really herself, not even part of her, but something outside that used her, Julia Lambert the woman, in order to express itself* [10, с. 129].

Кроме того, *oneself* может иметь не только предметную, но и событийную семантику. В следующем примере *oneself* стоит в одном ряду однородных дополнений с событийными и предметными именами:

(4) *Beth at last touched the great instrument, and straightway forgot her fear, herself, and everything else* <...> [5, с. 91].

Собственно антецедентом для анафорического возвратного элемента является не имя лица целиком, а некая сема в его богатой семантической структуре. Антецедентная сема «включается» у имени глагольным предикатом. Так, предикат *button* включает у личностного именного актанта *semy clothes*, с которой и соотносится анафора: (*person, having clothes*) + *button* + *self* → *buttoned oneself*; предикат *shave* включает у актанта *semy hair on the face*, с которой соотносится анафора: (*person, having hair on the face*) + *shave* + *self* → *X oneself*.

Условие логической экзистенциальной пресуппозиции в этих случаях заранее считается выполненным: оно имплицитно существует с существующим положением вещей, когда все люди во что-то одеты, носят причёски, имеют деньги и т.д.

С другой стороны, не всегда поддается рефлексивизации сема *часть тела*. Например, брить можно и ногу, мыть можно любую часть тела (*to wash himself to the waist*), но в таком случае нужно их упомянуть, например:

(5) *He's very particular to wash himself to the waist, but below he thinks doesn't matter. But there, I suppose they see plenty like it* [7].

Один и тот же предикат может «включать» у имени лица различные антецедентные семы, как, например, глагол *to sell*, так как продается и покупается все,

человек может продать себя как физическое лицо. *Oneself* может относиться к разным сторонам действительностного аспекта личностного антецедента. Именно с этой точки зрения можно объяснить разницу в значении двух предложений:

(6) *If you can't sell yourself you are unlikely to be able to sell the agency's work* [13];

(7) *You have to sell yourself and your ideas this year so don't expect people to automatically recognise your merit and worth* [8].

В примере (6) речь идет о том, как добиться большей оплаты, то есть продать свое «трудящееся Я», а в примере (7) идет речь о продаже своего «принципиального и независимого Я», поэтому предложение имеет пейоративное значение.

Все вышесказанное обосновывает существование особого вида референциальной идентичности возвратной анафоры и антецедентного слова, когда один референт по-разному трактуется этими лингвистическими единицами, выполняющими различные семантико-синтаксические функции в предложении. При этом антецедент и анафора оказываются объединенными на уровне семантической структуры, а в синтаксической структуре анафора и антецедентное слово оказываются референциально неидентичными. Поэтому можно говорить как о полной, так и о неполной или частичной, референциальной идентичности возвратной анафоры и антецедентного слова.

Статья поступила 26.05.2014 г.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Положение имен лица в русском синтаксисе // Известия АН СССР. Литература и язык. 1975. Т. 34. № 4. С. 341–350.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2002.
3. Костюшкина Г.М. Современные направления во французской лингвистике. М.: Едиториал УРСС, 2009.
4. Кронгауз М.А. Семантика. М.: ИЦ «Академия», 2005.
5. Alcott L.M. Little women. М.: Менеджер, 2005.
6. Katz J. The philosophy of language. N.Y.: Harper and Row, 1966.
7. Lawrence D.H. Sons and lovers [Электронный ресурс]. URL: <http://koapp.narod.ru/english/drama/book54.htm> (15 окт. 2008).
8. Leisure material // Liverpool daily post and echo [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (4 сент. 2008).
9. Maugham W.S. The moon and sixpence. М.: Prosviczenie, 1986.
10. Maugham W.S. Theatre. М.: Vysshaja shkola, 1985.
11. Strawson P. Individuals. London: Methuen, 1959.
12. Wierzbicka A. Syntax and semantics. N.Y.: Academic Press, 1976. V. 7.
13. S. Whiteaker. A career in advertising and public relations [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (4 сент. 2008).

УДК 658.562: 94(571.6)

ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ПРОДУКЦИИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СУДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СУДОРЕМОНТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1965–1985-е гг.

© А.Я. Кривошеев¹

Дальневосточный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33.

Проведен анализ практического опыта внедрения на предприятиях отрасли основных систем управления качеством продукции: системы бездефектного изготовления продукции и сдачи его с первого предъявления, системы бездефектного труда и комплексной системы управления качеством продукции. Выявлена специфика внедрения

¹Кривошеев Артем Яковлевич, аспирант, тел.: 89241055085, e-mail: 89241055085@yandex.ru
Krivosheev Artem, Postgraduate, tel.: 89241055085, e-mail: 89241055085@yandex.ru